

**ЗВЕЗДЫ
ЛИРИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ**

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ, ЛЮБОВЬ ОБОЛЕНСКАЯ

ЗОНА счастья

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С36

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление —
Виктория Давлетбаева

Силлов, Дмитрий Олегович.
С36 **Зона счастья / Дмитрий Силлов, Лю-**
бовь Оболенская. — Москва: Издательство
АСТ, 2024. — 288 с. — (Звезды лирической
прозы).

ISBN 978-5-17-163178-9

Вика — состоятельная девушка, не имеющая лишь одного — счастья в личной жизни. Муж, некогда бывший близким человеком, с каждым днем отдаляется от нее, становится чужим, злым, жестоким... Может, причина в том, что Вика однажды спасла его, и теперь он не может простить ей этого? А может, у него появилась другая женщина, мечтающая занять место Вики в его жизни?

И вот происходит страшное: на Вику совершено покушение. И оно бы точно завершилось ее гибелью, если бы не таинственный незнакомец, который совершенно не боится того, что за ним и жертвой неудачного покушения откроется настоящая охота...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глава 1

Вика

Я смотрю в окно.
Вернее — на свое отражение в нем, наложенное на осенний пейзаж.

Расплывчатое отражение, похожее на привидение мертвеца в багряно-желтом саду, где каждое дерево стоит примерно как одна человеческая жизнь.

Хотя нет.

Жизнь стоит дешевле.

Сегодня мой муж сказал, сколько стоит моя.

— Ты мне обходишься слишком дорого, хотя твоя жалкая жизнь не стоит и одного дерева из этого сада, — бросил он, застегивая на запястье браслет золотого «хубла».

Потом он ушел, в ярости хлопнув дверью.

Дверь выдержала удар. Жалобно звякнувшие часы, которыми он задел за косяк, — не знаю. Ничего страшного. Если что, он купит и новые

часы, и новую дверь, и новую жену, рыдающую в подушку.

Я знаю, сколько стоит один дуб сорта «мидзунара», привезенный из Японии и прижившийся в нашем не всегда приветливом климате. Это очень дорого. Новая жена обойдется ему гораздо дешевле.

Правда, для этого придется куда-то деть старую...

Подушка — замечательное изобретение человечества. Изначально созданная для комфортного сна, она помогает отгородиться от мира, порой яростно кричащего тебе в уши. Упала на кровать, накрыла голову подушкой, прижала ее руками, чтоб не отняли, — и все. Есть только ты — и темнота за плотно сжатыми веками, которая не хлещет словами по душе так, что та рвется на части.

А еще в подушку можно плакать. До тех пор, пока слезы не закончатся. А потом пойти в ванную и долго смотреть на свое отражение в зеркале, невольно кривящееся от отвращения к самой себе.

Рот, изуродованный размазавшейся помадой.

Глаза как у панды из-за расплывшейся туши.

Волосы веником во все стороны...

Муж прав. «Мидзунара», который красив всегда, в любое время года, не случайно стоит

дороже того, что я вижу в зеркале все чаще и чаще...

Домашний халат падает к моим ногам, смятый в тряпку, как мое настроение. Смотрю на свое отражение. Если отрезать голову, будет ничего так. Как Ника Самофракийская, с руками, но без крыльев — крылья давно отвалились вместе с розовыми очками.

Но фигура осталась.

Длинная шея, высокая грудь. Талия, может, широковата, но для таких ног — в самый раз. С детства занималась бегом, так что даже сейчас, когда влезаю в мини-юбку и встаю на каблуки, у самцов капает слюна из глаз, а их самки готовы вцепиться в мои бедра зубами, стараясь прогрызть мясо до кости.

Я не топ-модель, о ребра которых можно стирать белье, а ногами играть в хоккей.

Я та, кто природой создана для постели, и знаю это.

Для постели с любимым...

С нелюбимым я буду как греческая статуя, твердая и холодная. Ничего не могу с собой поделать.

С Максом я сначала была точно жаркое солнце, а сейчас он лишь отбивает о мрамор моего тела свое эго и самолюбие. Но его все равно тянет ко мне — так нищий возвращается к музею

снова и снова, завав на статую у его входа и понимая, что нет на свете силы, способной оживить ледяной камень...

Струи воды мягко ложатся на мою голову и плечи, теребят всклокоченные волосы, нежно смывают с лица засохшие слезы. Тропический душ, дорогая ласка, купленная за немалые деньги.

Можно воображать, что вода — это твой настоящий друг, дарящий нежность и понимание...

А можно принять, что это всего лишь дорогущая элитная сантехника с набором массажных режимов, просто хорошо выполняющая свою работу. Так постепенно понимаешь, что в этом мире нежность, понимание, любовь — это лишь товар, причем не факт, что если заплатишь за него дорого, получишь то, на что рассчитывал.

В отличие от элитной сантехники, которая честно отрабатывает вложенные в нее средства...

Выхожу из жарких объятий воды, закутываюсь в мягкое полотенце. Богатые тоже плачут, но богатым плакать комфортнее. Дорогие вещи напоминают о том, что у тебя есть куда убежать от горя, есть где и как забыться.

Бедным, наверно, сложнее.

Я уже не помню, каково это — быть бедной.

Заставила себя забыть...

Падаю на кровать, сбрасываю с нее подушку, измазанную тушью и помадой. На кровати много других подушек, чистых и хорошо взбитых, спасибо домработнице-филиппинке. Хорошо бы так же сбросить с себя воспоминания о последних месяцах, когда Макс стал другим. Жаль, что они намного тяжелее, чем подушка.

Беру смартфон, тянусь пальцем к иконке с изображением луны и звезд. Палец замирает на полпути. Зойка и впрямь похожа на красивое звездное небо, где сияющие планеты сделаны из силикона. Иногда я думаю, что если из Зойки выкачать все, что она в себя вкачала, то от нее останется нечто, похожее на тощее пугало в шмотках от-кутюр.

Но это я, наверно, от зависти, так как сама вряд ли когда-нибудь решусь на подобное. Зойка и правда выглядит отпадно. Ее хирург — просто доктор Франкенштейн. Я видела Зойкины фотки десятилетней давности — до того, как она их сожгла вместе с планшетом, где те хранились.

Думаю, она правильно сделала.

Прошлое, о котором ты не хочешь помнить, нужно выжигать из памяти. А потом, смахнув все еще теплый пепел, можно придумать новые воспоминания, убедив себя, что именно они на-

стоящие. Зойка говорит, что у нее есть психотерапевт-гипнотизер, который умеет делать такие фокусы. Я ей верю, так как моя подруга твердо убеждена, что всегда была похожа на звездное небо, от взгляда на которое у мужиков кружится голова и дыхание становится как у астронома, только что открывшего новую планету.

Закутываюсь в одеяло, согреваюсь.

Гляжу на картину в дорогой резной раме.

На ней Макс в форме офицера времен Наполеоновских войн и я, держащая его под руку, в старинном платье с кружевами и дурацким белым зонтом. Эту картину мне подарил Макс год назад. Точнее сказать, привез и повесил на стену.

— Это тебе, — сказал.

Рот — до ушей.

Счастлив.

Ну а я что? Тоже рот до ушей. Типа, всю жизнь мечтала об этой мазне в позолоченной раме. Безвкусная поделка, как и моя жизнь с Максом. Громоздкая, вычурная, нелепая, неестественная.

Но нужная.

Картина закрывает трещину в штукатурке, появившуюся в результате усадки фундамента дома. А я закрываю трещину в нашем с Максом бизнесе, которая уже несколько месяцев

из-за него грозит превратиться в глубокий разлом, от крыши до фундамента.

Так сложилась жизнь, и теперь мы с ним связаны, словно два тонущих судна. Разорви цепи, стягивающие прохудившиеся борта, — и потонут оба. Потому наш союз, скрипящий гнилыми досками, все еще плывет по грязным волнам, тоскливо позвякивая ржавыми испорченными оковами, которые люди не случайно назвали браком.

Хотя, конечно, есть в том союзе и один светлый лучик, пробивающийся сквозь унылые грозовые тучи.

Секс.

То, что я умею делать хорошо даже тогда, когда не хочу этого делать. Разум кривится в гримасе отвращения, тело холодное и твердое как камень, но какая-то третья составляющая меня, которой нет названия, все равно заставляет и разум, и тело отвечать грубым домогательствам Макса, которому нужен просто сосуд для слива напряжения.

Иногда нужен.

В последнее время все реже и реже.

Но когда он падает ко мне в постель и начинает грубо ощупывать, как цыган, выбирающий лошадь на рынке, от этих движений, которые язык не поворачивается назвать лаской, про-

клятая третья составляющая заставляет меня выгибаться навстречу им, подчиняя себе и мое тело, и мой сопротивляющийся разум.

Я усмехаюсь своим мыслям.

Кто-то мудрый сказал, что женщины сотканы из противоречий.

Это точно про меня.

Там хочу, тут не хочу, в результате под утро простыня насквозь мокрая, и даже порой разорвана местами, а мы оба лежим на кровати спина к спине и думаем каждый о своем. Зойка говорит, что это такая у нас любовь. Типа, одна из ее форм. У других и такой нет. Глупость, конечно, но сейчас, в теплом, мягком коконе внутри одеяла мне кажется, что, возможно, она в чем-то и права.

Кстати, Зойка. Лучшая подруга, с которой самое время помурлыкать о своем, о женском. Протягиваю руку, вновь беру смарт, тычу в иконку с луной и планетами.

— Привет, звездное небо!

— Привет, солнечный зайчик!

Зойка в полной боевой раскраске и, похоже, чем-то взволнована.

— Я не вовремя?

Подруга открывает рот, чтобы ответить, но ее прерывает резкий звонок в дверь.

— Я перезвоню, — быстро говорит Зойка и отрубается.

Понятно.

Очередной хахаль пожаловал.

Подругу можно понять...

Ей скоро тридцать: это уже не звоночек, если нет семьи, а набатный колокол — в голове некоторых девушек, разумеется, — который навязчиво и хрипло стучит: «брак, брак, брак», заставляя лихорадочно искать себе партию.

Чушь, по-моему.

Счастье в личной жизни не ищут по звонку, навязанному общественным мнением, и не выбирают, тасуя мужиков, точно карты в колоде. Его просто ждут, надеясь, что оно придет к тебе когда-нибудь...

Из-за таких рассуждений Зойка любя называет меня романтической душой, которая отхватила туза и теперь может позволить себе гнать пургу, выглядывая из-за его плеча. Я обычно смеюсь и говорю, что и ее тоже однажды туз прихлопнет. Как знать, может, именно он сейчас позвонил в ее дверь... Счастья ей, в общем.

Становится жарко.

Я выкарабкиваюсь из кокона и вновь иду в санузел, на этот раз на свидание к белому другу. По пути открываю аптечку, привычным движением распечатываю лакмусовую бумажку разочарования. У нас с Максом ничего не получается, и я уже к этому привыкла. Сначала ре-

бенка хотели оба — по крайней мере, он делал вид, что хочет. Сейчас уже не хочет никто, но ритуал вошел в привычку, и раз в неделю рука сама достает из аптечки подтверждение тому, чего никогда не будет...

А потом проходит время.

Много или нет, я не помню.

Но я все-таки осознаю себя вновь.

Сидящей на унитазе и держащей в руке бумажку самого настоящего, истинного разочарования.

Когда не знаешь, что делать с неожиданно свалившимся на тебя счастьем, которого не хочешь всей душой, остается только рыдать, так как больше ничего не остается.

От радости, так как свершилось то, о чем я так долго мечтала.

И от горя. Так как я уже давно мечтала о том, чтобы это счастье ненароком со мной не случилось.

Глава 2

Макс

Мне не нравится мое имя.
Макс.
Не Максим, нет. Окончание «им» смягчает имя, делает его нежно-девчачьим. Где-то в европах существует женское имя Максима, оно недалеко ушло от «Максим».

Другое дело — Макс!

Жесткое имя, как выстрел из пистолета с глушителем.

Сильное имя.

Мое.

Я даже паспорт поменял в двадцать лет, лишь бы избавиться от этого «им», которым меня наградили предки при рождении. И с тех пор требую, чтобы все называли меня именно так.

И никак иначе.

Мужчина должен быть таким.